

Библиография

Авеста. Избранные гимны. Из Видевдата / Пер., предисл., прим. и словарь И.М. Стеблин-Каменского. М.; Алма-Ата, 1993.

Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. Вып. XIII. Чебоксары, 1937.

Вишневский В.П. О религиозных поверьях чуваш. Казань, 1846.

Лепехин И. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 году. СПб., 1771.

Милькович [К.С.]. Быт и верования чуваш Симбирской губернии // ИОАИЭ. Т. XXII. 1906. С. 38–60.

Михайлов Т.М. Бурятский шаманизм: история, структура и социальные функции. Новосибирск, 1987.

Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. 1. СПб., 1773.

Паллас П.С. Сравнительный словарь всех языков и наречий. Ч. 1. СПб., 1787.

Салмин А.К. Божество *Тор*: чувашско-скандинавские и другие типологии // Скандинавские чтения 2010 г. СПб., 2012. С. 502–513.

Срезневский И.И. Святилища и обряды языческого богослужения древних славян. Харьков, 1846.

Ткаченко Г.А. Космос, музыка, ритуал: Миф и эстетика в «Люйши чуньцю». М., 1990.

Vambery H. Das Turkenvolk in seinen ethnologischen und ethnographischen Beziehungen. Leipzig, 1885.

Е. Г. Царева

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И РАСПРОСТРАНЕНИЯ ВОРСОВЫХ ТЕХНИК (ЕВРАЗИЙСКАЯ ТРАДИЦИЯ)

Истоки текстильных техник восходят к палеолиту, т.е. ко времени освоения человеком древнейших приемов прототкачества, включая корзиноплетение, послужившее основой для формирования таких важнейших для петлевого и узелкового ткачества структур, как простое прямое и килимное переплетение¹. Ворсовое тка-

¹ Родственность гладкотканых *килимных* и ворсовых структур подтверждается, в частности, системным использованием в тех и других таких сложных приемов,

чество является одним из наиболее поздних по времени сложения видов переплетений и внешне резко отличается от гладких фактур. Тем не менее формировалось оно на основе простого прямого переплетения и ворс формально был лишь дополнительным элементом к базовым составляющим тканевой структуры, т.е. нитям основы и утка (рис. 1). Процесс разработки приемов ворсообразования был долгим, начальные варианты послужили основой для появления нескольких способов его создания, из которых наиболее известными стали петлевое и узелковое ткачество.

Несмотря на то что сегодня мы связываем появление ворсового ткачества с территориями развитого овцеводства, первые вещественные свидетельства существования техники были обнаружены в царских гробницах Ура, Шумер, середина III тыс. до н.э. [Woolley 1934]. **Равно и первые письменные упоминания профессии ковродела: *poieur* — «ткач узлов»** — появляются в текстах Верхней Месопотамии, хотя и в более поздний, древнеавилонский период [Barrelet 1977: 57]. Поскольку наиболее ранние памятники узловязания были найдены в Шумере, существует общепринятое мнение, что техника была изобретена именно на этой территории. Однако, говоря о великой шумерской цивилизации, мы обычно имеем в виду древнемесопотамскую культуру шумерского периода в целом. По отношению к ворсовым тканям это означает, что сегодня невозможно точно сказать, кто изобрел эту технику, когда и в какой части земель между Тигром и Евфратом либо, что вполне возможно, за пределами Междуречья¹.

Понимание того, насколько древним является описанный вид ткачества, пришло относительно недавно. Дискуссия была начата Мери Хьюстон в связи с изображениями использовавшихся древним населением Месопотамии юбок, часто описывавшихся в литературе как «сделанные из звериных шкур» [Houston 1920: 110, fig. 111, 112]. М. Хьюстон предположила, что они представляют собой тканые изделия, и со временем это было успешно доказано текстильными находками, обнаруженными, как было сказано

как *зацепы, прокиды, эксцентричное переплетение*, традиционно применявшиеся в развитых *килимных* техниках (например, в европейском шпалерном деле), но также в ранних (сако-бактрийские и другие ранние узелковые изделия).

¹ Судя по эламским изображениям одетых в ворсовые ткани персоналий, еще одним кандидатом на роль изобретателей техники могут быть эламские ткачи.

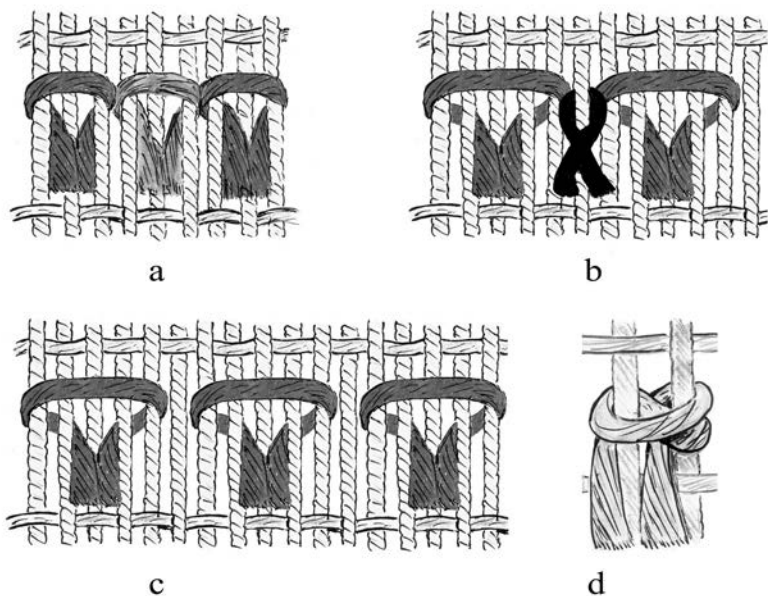

Рис. 1. Таблица видов узлов симметричного типа, одноярусная вязка

выше, в 1920-х — начале 1930-х годов Леонардом Вули в царских гробницах Ура (Южная Месопотамия, около 2600 до н.э.). Аналогично многим другим текстильным находкам под влиянием воздуха эти фрагменты довольно быстро дезинтегрировали, и, хотя Вули оставил достаточно подробное описание этих ворсовых тканей, мы уже никогда не сможем дополнить те менее подробные, чем это принято сегодня, данные, которые были опубликованы в 1934 г. [Woolley 1934: 238].

Исследователь, развивший тему, обогативший ее важнейшей информацией и связавший работы шумерских *poueur*-ов с малоазийскими *филикили*, — Удо Хирш. Его базовая для нашей темы статья «Ткани богов и королей» пролила новый свет на историю коврового ткачества и инициировала дальнейшее изучение вопроса [Hirsch 1991: 104–111].

Далее выявленный в шумерских памятниках тип ворсовой техники будет называться наиболее распространенным сегодня ма-

лоазийским термином *филикли*, хотя структура имеет множество вариантов исполнения и названий. Все они, тем не менее, имеют такие общие показатели, как использование толстой рыхлой пряжи, большая длина ворса (до 30 см и более), созданные множественными прогонами утка широкие интервалы между рядами узлов, благодаря которым концы узлов образуют четко обозначенные ряды. А кроме того однотонность поверхности, либо использование в декоре крупных, как правило, геометрических построений. Помимо турецких *филикли* в аналогичной технике делаются греческие *каунакесы*, закарпатские *гуни*, северокавказские *рыту* и *киизы* [Царева 2012]. Обратите внимание, что все названные виды изделий относятся к Циркумпонтийской зоне производства.

Возможно, лучшими иллюстрациями, показывающими использование длинноворсовых тканей в шумерский период, являются два памятника, происходящие из города Мари, юго-восточная Сирия (основан в начале III тыс. и существовал до конца I тыс. до н.э.). Один, в виде небольшой алебастровой статуэтки, датированной серединой III тыс. до н.э., изображает одетого в юбку в технике *филикли* и сидящего на плетеном стуле интенданта Эбилил [Hirsh 1991]. Изготовивший статуэтку мастер вырезал ее столь тонко, что мы видим каждую нить одеяния интенданта, причем верхний ряд узлов юбки позволяет ясно увидеть их структуру. Изначально статуэтка была раскрашена, но время смыло яркие тона, оставив мягко сияющую белую алебастровую поверхность. Второй памятник — многоцветная настенная роспись вавилонского периода (около 1800 г. до н.э.) — представляет жреца и жрицу в сцене ритуального возлияния [Ibid.]. Менее подробная в передаче фактуры ткани роспись дает представление о том, как жители Мари декорировали *филикли*, выполняя их из ярко окрашенной пряжи, создающей рисунок в красную, желтую, серую и белую клетку.

Эти и другие многочисленные древние изображения, в том числе с территории Элама, показывают, что одежда в ворсовой технике была принадлежностью костюма исключительно божеств и лиц с высоким социальным статусом, главным образом мужчин: жрецов, царей, позднее чиновников высокого ранга. Именно такую картину представляет мозаика Царского штандарта Ура (около

2500 до н.э.) [Hirsh 1991]. Обратите внимание, что единственный из 80 представленных на обеих сторонах штандарта персонаж в юбке *филикли* (сторона «Мир», верхний ряд слева) — сидящая в полукресле персона высокого ранга. Остальные участники сцены, в том числе и сидящие, одеты в более простую одежду, а рабы и вовсе обнажены.

Вещественные артефакты и исследовательские проекты последних лет позволили увидеть, что разработанная шумерскими ткачами техника еще в древности распространилась далеко за пределами своей колыбели¹, а также что со временем одежда в технике *филикли* стала более «демократичной». Мы видим это по памятникам Бактрийско-Маргианского археологического комплекса (далее — БМАК)²: находки из города-храма и некрополя Гонур-Депе³ и с бактрийских территорий БМАК представляют разнообразные варианты «одетых» в длинноворсовые одежды фигур [Sarianidi 2002: 140, 141, 231, 161, etc.]. Примерами таких артефактов является навершие изысканной серебряной булавки конца III тыс. до н.э., изображающее сидящую женскую фигуру (рис. 2), и многочисленные бактрийские композитные статуэтки. Ткани костюмов на таких фигурах практически идентичны месо-потамской и эламской одежде данного типа периода бронзы, что представляет выразительный дополнительный материал к нашим знаниям о культурных и этнических контактах между населением обоих регионов.

В Египте царственные петлевые ткани появились в период правления XVIII династии. Здесь они также стали атрибутом быта

¹ Одним из таких проектов была конференция, проходившая в 2009 г. в Сартинане, Италия. Материалы опубликованы: [Battini 2009: 119].

² Бактрийско-Маргианский археологический комплекс — предложенное В.И. Сарияниди понятие и название для одной из цивилизаций бронзового века, существовавшей на территории Юго-Восточного Туркменистана, Южного Узбекистана, Северного Афганистана и Западного Таджикистана с XIII по XVIII в. до н.э. в одно время с Индской цивилизацией в Пакистане и Древнеавилонским царством в Междуречье.

³ Гонур-Депе — дворцово-храмовый комплекс и некрополь в старой дельте реки Мургаб, Марыйский вельяг, где работает крупнейшая в Туркменистане Международная научная экспедиция под руководством Виктора Ивановича Сарияниди. Территория распространения культуры названа В.И. Сарияниди «страшной Маргуш» [Sarianidi 2002].

Рис. 2. Женская фигура в ворсовой одежде. Гонур-Депе, Южный Туркменистан, конец III тыс. до н.э.

фараонов и их окружения. Важнейшее для историков текстиля обстоятельство состоит в том, что египетские памятники являются уже подлинными тканями, сохранившимися в захоронениях фараонов и чиновников высокого ранга страны Та-кемет. Самые ранние ворсовые артефакты в петлевом варианте были обнаружены в гробнице архитектора Кха и датируются XIV в. до н.э. [Schiaparelli 1927]. Отметим, что, судя по дошедшим артефактам, египтяне применяли ворсовую технику для изготовления не одежды,

как шумеры, эламиты и маргушцы, но таких бытовых предметов, как полотенца, коврики и одеяла [Carter, Newberry 1986: 39].

Египетские длинноворсовые ткани делались из льна, при этом манера изготовления использованных в них нитей (S-прядение, создание рабочих тел методом скручивания концов элементарных нитей) в деталях следовала местной текстильной традиции. У нас, однако, есть весомые основания предполагать, что техника была принесена на берега «льняного» Нила сирийскими ткачами одновременно с килимным ткачеством [Царева 2010: 570], шерстью и искусством ее крашения. Точнее, с теми группами ближневосточных ремесленников, которые были переселены в Египет Тутмосом III (1479–1425) после завоевания им ряда территорий Восточного Средиземноморья, и позднее его внуком, Тутмосом IV (1397–1388).

Двумя веками позднее датируются первые известные нам длинноворсовые ткани поселений бассейна реки Тарим, где они активно используются вплоть до конца I тыс. н.э. [Wenyng 2006]. Даже этот ограниченный лакунарными находками перечень показывает, что уже в период бронзы ворсовый метод ткачества широко практиковался в Евразии, где продолжал успешно распространяться и развиваться в последующие века. Начиная со II тыс. до н.э. число известных нам ворсовых артефактов значительно возрастает, при этом памятники середины I тыс. до н.э. демонстрируют появление ранее не фиксировавшейся коротковорсовой узелковой техники, активно практиковавшейся параллельно с петлевыми и длинноворсовыми узелковыми вариантами ковроткачества [Tsareva 2009].

Активными производителями изделий обоих типов были обитатели колоссальных пространств центрально-азиатских степей и высокогорий, особенно саки и родственные им бактрийцы. Блестательными примерами такого сосуществования являются находки из сакских пазырыкских (Горный Алтай) курганов VI — середины III в. до н.э. [Грязнов 1950; Руденко 1953; 1968]. Особого внимания среди них заслуживает обнаруженный археологами в пятом кургане узелковый ковер IV в. до н.э. [Марсадолов 2000: 52], названный пазырыкским по месту обнаружения. Судя по декору, технике вязки и использованным красителям, этот ко-

ротковорсовый ковер был сделан по картону, разработанному носителями сакральных знаний своего времени, и соткан высокопрофессиональными мастерами в одном из ковродельческих центров Ахеменидской империи, предположительно в одной из ее северо-западных сатрапий. Для нашей темы очень важно, что помимо узелкового в четырех из пяти больших пазырыкских курганов были найдены 15 длинноворсовых предметов и еще два — во втором башадарском кургане. Все они выполнены в петлевом варианте техники *филикли* [Царева 2006], при этом большая часть представляет собой коврики и украшения сбруи коней (рис. 3).

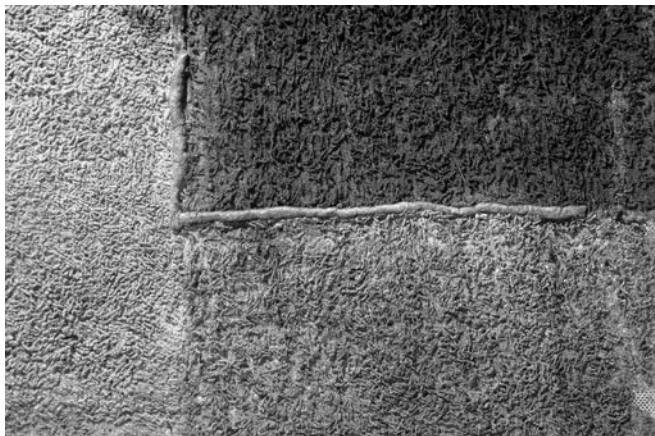

Рис. 3. Деталь фрагмента выполненного в петлевой технике ворсового ковра. Алтый, 2-й пазырыкский курган, V в. до н.э.

Следующая по датировкам группа фрагментов в ворсовых петлевых и узелковых техниках была найдена в Междуречье, в пещерах поселения Аль-Тар (район Кербелы), датировки ворсовых артефактов находятся в интервале 140+/-95 до Р.Х. — 170+/-250 н.э.¹ Некоторые из петлевых образцов демонстрируют близкие к древнемесопотамским структуры, которые мы определяем как класси-

¹ Пещеры Аль-Тара были раскопаны совместной иракско-японской археологической экспедицией в 1970-х годах. Основные публикации: [Al-Rafidan 1980; Al-Tar I 1976: 125, 137–138; 178 sp. 114, colour plate No. 114].

ческие для *филикли*: узелковая и петлевая техника, длинный ворс, множественные прогоны утка. Одновременно другие артефакты из пещер Аль-Тара являются уже классическими коротковорсовыми структурами [Al-Tar 1976: 125, 137–138; 178 sp.114, colour plate No. 114]. Сделанная из грубой овечьей шерсти, их узелковая пряжа имеет выраженное прядение и сучение в отличие от находок из Ура, ворс которых представляет собой так называемые «пучки». Отметим, что аналогичные по структуре ткани ткются в Ираке и сегодня, что наглядно демонстрирует обсуждавшуюся выше стабильность ткацких техник.

Поскольку мы затронули вопрос о ворсовых находках из курганов пазырыцкого типа, представляется уместным сравнить 19 обнаруженных в них ворсовых изделий. 17 из них выполнены в технике *филикли*, и два — так называемый башадарский фрагмент и пазырыцкий ковер — в технике узловязания. Башадарский фрагмент соткан асимметричным открытым вправо узлом, а знаменитый ковер из ПК-5 — симметричным, с большой депрессией. Его многокомпонентный «закодированный» рисунок, по всей вероятности, представляет сложнейшую, тонко разработанную картину мира, как его рисовали себе изготовители (либо заказчики) ковра в IV в. до н.э. Сравнение техники исполнения и декора шумерских, египетских, таримских петлевых и коротковорсовых узелковых изделий из курганов пазырыцкого типа очевидно показывает, что изначально простые и рыхлые, с течением времени ворсовые структуры развились в более плотные и прочные варианты, позволяющие ткачам создавать сложные, детально «прорисованные» изображения. Кроме того, данное обстоятельство фиксирует тот факт, что узелковая техника не вытеснила *филикли*, и оба варианта ворсовых структур сосуществовали в одной культуре. Можно предположить, что на ранних этапах использования безузорные длинноворсовые петлевые и коротковорсовые декорированные узелковые ковры выполняли разные функции: бытовые — у *филикли* и парадные, возможно, сакральные — у ворсовых. Дальнейшие наблюдения показывают, что вне зависимости от того, когда появился данный синхронизм, однажды сложившись, в Евразии практика продолжала и продолжает свое существование и в наши дни.

В качестве одной из причин распространения узелковой структуры именно у скотоводов Степи при сохранении петлевой техники у оседлого населения Ближнего Востока можно предложить экономический фактор. Проблема в разном объеме материалов, требующихся для петлевой и узелковой структур, поскольку для узелковой техники необходимо гораздо больше ворсовой пряжи, чем для петлевой. При учете того, что в массе земледельческое население стран Средиземноморья и Циркумпонтийской зоны применяло для основы и утка лен, коноплю и другие растительные материалы, а хорошо окрашиваемую шерсть (на раннем этапе главным образом козью) — только для ворса, это отличие увеличивается в разы. Одновременно скотоводы, в том числе и ранние кочевники, не были ограничены в объемах овечьей шерсти и использовали ее в качестве не только узоробразующего материала, но и базового структурообразующего, т.е. для производства нитей основы и утка.

Мы видим развитие традиции сосуществования обеих техник на примере разных групп находок, в том числе обнаруженных в 1930-х годах при раскопках Пальмиры и Дура-Европоса, разрушенных Сасанидами в 256 г. Найденные здесь археологами ворсовые фрагменты представляют однотонные окрашенные шерстяные ткани в различных вариантах петлевой техники, в том числе египетской работы, *филикли* и одновременно коротковорсовые узелковые артефакты с многоцветными рисунками [Pfister 1940: pl. II, VI; Pfister, Bellinger 1945: tab. XXXIII, pl. IV-231, 232; XXII-225, XXIII-231, XXXIII-K, L, M; **back**]. Будучи богатейшими центрами международной торговли, оба названных сирийских города аккумулировали в своих частных и общественных домах и некрополях сокровища, привезенные со всех концов ойкумены, от Китая до Египта. Это обстоятельство не позволяет говорить с уверенностью о местном происхождении названных тканей. Вполне вероятно, что они были привезены торговыми караванами из различных евразийских текстильных центров, что вновь и вновь демонстрирует нам высокий уровень культурной интеграции стран эллинистического мира.

Какую бы характеристику *филикли* мы ни рассматривали, каждая дает повод для вопросов и размышлений. Один из таких

вопросов-наблюдений состоит в том, что находки из Аль-Тара, Пальмиры и Дура-Европоса представляют огромное разнообразие вариантов структур, поскольку практически каждый из фрагментов демонстрирует индивидуальную манеру вязки, иногда очень простую, в других случаях — крайне сложную, с двусторонним ворсом и иными особенностями. Такая вариативность обычно характерна для имитаций и инноваций [Царева 1983]. Однако это правило не распространяется на *филикли*, поскольку образцы XIX в. имеют столь же многочисленные структуры, как и их предшественники II в. до н.э. Объяснением может быть предположение, что данная система была частью изначально практиковавшейся ее создателями традиции, включавшей такие параметры, как длина ворса, плотность структуры и другие, но предполагавшей определенную свободу в выборе других показателей, включая тип вязки. Коротко говоря, изготовителям *филикли* был важен результат, а не способы его достижения. Прецедент не единичен, поскольку аналогичную картину представляют длинно- и коротковорсовые ковровые ткани Бактрии III в. до н.э. — VII в. н.э.

Термин «бактрийские ковры», сегодня также называемые сакобактрийскими, в настоящее время вполне устойчив и относится к большой группе ворсовых изделий кушанского времени и позднее¹. Как сказано выше, большая их часть была найдена археологами в заброшенных поселениях бассейна реки Тарим или, шире, пустыни Такламакан. Другие хранились в монастырях Тибета, небольшое число было обнаружено в пещерах Гиндукуша по трассе Великого Шелкового пути из Центральной Азии в Индию. Некоторые из таких находок выполнены в технике собственно *филикли*, другие — в вариантах узелковой вязки, включая одноярусную. Примечательно, что подавляющее большинство последних имеет комплексную структуру, сочетающую узорную узелковую вязку лицевой стороны с простейшей петлевой структурой изнанки. Отметим, что «изнаночный» ворс выполнен в уже упоминавшемся выше архаичном «пучковом» варианте.

¹ Термин происходит от названия страны — Бактрия, считающейся сегодня исконной ковродельческой территорией Центральной Азии. Классические бактрийские ковры датируются временем от III в. до н.э. до арабского завоевания. Абсолютное большинство бактрийских ковров пока остается не опубликованным.

Как наследие древней текстильной традиции Евразии можно рассматривать и вышеназванный архаичный тип среднеазиатских ковров *джульхырс/джульварак* (тадж. «медвежья шкура») одноярусной вязки, сегодня изготавливаемых в регионе узбеками, таджиками и арабами, а также ткачами тибетских высокогорий. Одновременно туркмены используют данный тип вязки в его, если можно так сказать, переходном варианте, применяемом при производстве свадебных полос для обвязывания юрты [Царева 2013]¹.

«Осколок» древнейших евразийских традиций ворсового ткачества — вариант «народного» (в отличие от дворцового) индийского ковроделия [Flowers underfoot 1997]. Феномен представлен хлопковыми и шерстяными длинноворсовыми куртками XIX в. в собрании МАЭ РАН, изготовленными для персонажей традиционного индийского театра Катхакали, в частности для Царя обезьян Ханумана [Царева 2008]. Этот вариант представляет особый интерес не только в силу уникальности, но и благодаря использованному материалу — хлопку, традиционному для Индии со времени существования цивилизации Инда, но крайне редко применяемому в качестве ворсовой пряжи в других ковродельческих практиках Евразии.

Столь же, если не более архаичной представляется традиция использования техники филикли ткачихами Балканских стран и Западной Украины. Местные мастерицы применяют ее для изготовления длинноворсовых курток-плащей *гуня*, являющихся старинным видом одежды пастухов Закарпатья [Калашникова, Плужникова 1990: рис. 36]. Благодаря этой особенности она может рассматриваться как практически абсолютная копия плащей шумерских воинов, изображенных на штандарте Ура.

К таким же прямым потомкам продукции древних шумерских «ткачей узлов» *poieuir* следует отнести и собственно коврики филикли, производящиеся на территории современной Турции. По меньшей мере со II тыс. до н.э. Малая Азия была одним из древ-

¹ Сегодня представляется очевидным, что уникальное по структурному разнообразию туркменское ковроделие сформировалось именно на базе бактрийских прототипов, от которых оно унаследовало не только многовариантность способов вязки, но и значительный слой изобразительных сюжетов и принципов композиционного построения орнаментируемой поверхности.

нейших импортеров месопотамских тканей, причем именно шерстяных¹, поэтому вполне закономерно, что население региона восприняло и освоило технику изготовления тканей «богов и царей».

Как было сказано выше, со временем техники типа *филикли/каунакес* все более вытесняются коротковорсовыми вариантами, получившими широкое распространение у скотоводческих народов евразийских степей, в том числе и у населения современного Туркменистана. Одной из причин, вероятно, была большая долговечность плотных коротковорсовых ковров, другой — возможность создания методом узловязания рисунков практически любой степени сложности.

Библиография

Грязнов М.П. Первый пазырыкский курган. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1950.

Калашикова Н.М., Плужникова Г.А. Одежда народов СССР. М.: Планета, 1990.

Марсадолов Л.С. Археологические памятники IX–III веков до н. э. горных районов Алтая как культурно-исторический источник: Феномен пазырыкской культуры: Автореф. дис. ... д-ра культурологических наук. СПб., 2000.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л.: Наука, 1953.

Руденко С.И. Древнейшие в мире художественные ковры и ткани. М.: Искусство, 1968.

Царева Е.Г. Вариативность и стабильность как этногенетический источник (по материалам туркменского ковроделия) // Международный симпозиум по искусству восточных ковров: Тезисы. Баку: Изд-во АН Азербайджанской ССР, 1983. С. 40–41.

Царева Е.Г. Каталог тканей из пазырыкских курганов из собрания Государственного Эрмитажа // Текстиль из «замерзших» могил Горного Алтая IV–III вв. до н.э. (опыт междисциплинарного исследования) / Н.В. Полосьмак [и др.]; отв. ред. Б.А. Литвинский. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2006. С. 250–255. (Интеграционные проекты СО РАН. Вып. 5).

Царева Е.Г. Куртка Ханумана: древнейшая ворсовая техника Индии? // Радловский сборник. СПб.: МАЭ РАН, 2008. С. 171–177.

Царева Е.Г. Килимы ранних кочевников Тувы и Алтая: к истории сложения и развития килимной техники в Евразии // На пути открытия

¹ См., например: [Veenhof 2010].

цивилизации: Сб. ст. к 80-летию В.И. Сарияниди. Труды Маргианской археологической экспедиции / Ред. П.М. Кожин, М.Ф. Косарев, Н.А. Дубова. СПб.: Алтай, 2010.

Царева Е.Г. Архаичные формы узелковых ковровых структур в памятниках материальной культуры народов Северного Кавказа // Вестник Майкопского государственного технологического университета. Вып. 3. Майкоп: Изд-во МГТУ, 2012. С. 9–16.

Царева Е.Г. Опоясывая пространство и время: ленты/полосы *иолам* в туркменской ковровой традиции // Урало-алтайские исследования. М.: Кормушин И.В. 2013. № 3 (10). С. 58–65.

Al-Rafidan. Journal of Western Asiatic Studies, Vol. I. A Special Edition on the Studies on Textiles and Leather Objects from Al-Tar Caves, Iraq / Ed. H. Fujii. Tokyo: The Institute for Cultural Studies of Ancient Iraq, Kokushikan University, 1980.

Al-Tar I. Excavations in Iraq, 1971–1974 / Ed. H. Fujii. Tokyo: The Institute for Cultural Studies of Ancient Iraq, Kokushikan University, 1976.

Barrelet M-Th. Un Inventaire de Kar-Tukulti-Ninurta: textiles decorees assyriens et autres // Revue d'Assyriologie. 1977. No. 71. P. 57, 59–60.

Battini Ch. Filikli. Anatolia XX century. Moreschini Collection. Firenze: Angelo Pontecorboli Editore, 2009.

Carter H., Newberry P.E. The Tomb of Thoutmosis IV. Catalogue generale des antiquites egyptiennes du Musee du Caire nos. 46 001–46 529. L.; Westminster: Archibald Constable, 1904. Pl. 28; R. Hall. Egyptian Textiles. Aylesbury: Shire Publications Ltd., 1986.

Flowers Underfoot: Indian Carpets of the Mughal Era. N.Y.: Metropolitan Museum of Art, 1997.

Hirsch U. The Fabric of Deities and Kings // Hali. 1991. Issue 58. P. 104–111, 128.

Houston M. Ancient Egyptian, Mesopotamian and Persian Costume. L.: Courier Dover Publications, 1920/54.

Pfister R. Textiles de Palmire. Decouverts par le service des antiquites du hault-commissariat de la Republique Francaise dans la necropole de Palmyre. III. P.: las editions d'art et d'histoire, 1940.

Pfister R., Bellinger L. The Excavations at Dura-Europos Final Report IV, Part II. The Textiles. L.; New Haven: Yale University Press, 1945.

Sarianidi V. Margush. Ancient Oriental Kingdom in the Old Delta of the Murghab River. Ashgabat: Turkmendowlethabarlary, 2002.

Schiaparelli E. La Tomba intatta dell' Architetto Cha // Relazione sui Lavori della Missione archeologica in Egitto. Vol. 2. Turin: Museo di Antichita, 1927.

Tsareva E. Where and When Knotted Rugs Began to Be Produced // Filikli. Anatolia XX century. Moerschini Collection. Firenze: Angelo Pontecorboli Editore, 2009. P. 48–63.

Veenhof C.M. and *K.R.* The Textiles Traded by the Assyrians in Anatolia (19th–18th centuries BC) // Textile Terminologies in the Ancient Near East and Mediterranean from the Third to the First Millennia BC / Ed. by C.M. and M.-L. Nosch. Oxford, UK: Oxbow Books, 2010. P. 210–271.

Wenying L. Textiles of the Second to Fifth Century Unearthed from Yingpan Cemetery // Central Asian Textiles and Their Context in the Middle Ages. Riggisberger Berichte, 9, Abegg-Stiftung: Abegg-Stiftung, 2006. P. 243–264.

Woolley L. Ur Excavations, Vol. II. The Royal Cemetery. N.Y., 1934.